



Фото Михаила ВОЛКОВА.

всегда мешает. Сейчас я занимаюсь русской темой, и сразу стало труднее...

- А для вас лично важно ли место действия вашей жизни? Москва вас раздражает или?..

- Иногда раздражает, конечно. Но я очень люблю Москву. Спросите меня: "Где бы я мог жить?" и я отвечу: "Только в Москве или в Нью-Йорке"... Конечно, в Москве бывает всякое. Однажды ко мне подбежала сумасшедшая баба-коммунистка и стала орать: "Я давно за вами слежу! Не любите вы русский народ, ох, неблагодарные вы, евреи!" Я думаю, что таких людей где-то треть, но две трети совсем иные, и этим двум третям, думается, я не чужой... Я всегда смотрю "Кина" сверху, с третьего яруса - так вот, представьте, там, под самым потолком, люди больше трех часов стоят и смотрят спектакль.

- Герои ваших пьес живут не только вне места действия, но как бы и вне бытия, во всяком случае быт в их жизни никакой роли не играет. А в вашей?

- Нет, я человек абсолютно земной и реальный. Помню, мы с моим другом балетмейстером Зарецким - он, увы, умер - морозным вечером бежали по Москве, примчались ко мне, я тут же от-

Григорий ГОРИН: *Каме. грабра в Москве. - 1995. - 14 окт. - е.ч.*

"В "Мерседес" я как-то не вписываюсь"

В каком бы театре ни шла его пьеса (на этот раз - Театр имени Маяковского), как бы она ни называлась (на этот раз "Кин IV"), кто бы ее ни поставил (на этот раз это сделала Татьяна Ахрамкова),

кто бы в ней ни играл (на этот раз - А. Лазарев, И. Костолевский, Г. Беляева, С. Немоляева), - всегда аншлаги. Потому что, если автор Горин, значит, будет нескушно и мудро...

- Григорий Израильевич, в "Кин IV" два главных героя: великий артист и король. Король завидует артисту. Это что: ваша мечта, чтобы так было, или понимание того, что так и происходит на самом деле?

- Я уверен, что желание актерствовать сидит в любом политическом деятеле вне зависимости от того, осознает он это или скрывает. Оно сидело и в королях, и в царях, и в Сталине, и в Хрущеве. Благодаря этому желанию Мао писал стихи, Горбачев с ностальгией вспоминал свою театральную юность, а когда маршал Жуков рассказывал о том, как он играл в художественной самодеятельности, у него влажнели глаза. Любые "короли" понимают, что за властным кругом существует другой, где люди свободны и беззаботны. Эта зависть правителя немногим отличается от зависти Александра Македонского к Диогену, который хотя и сидел в бочке, но был свободен. А тут, мало того, что артист свободен, так еще может вызывать слезы и смех, причем не приказом, не плетью, а собственным талантом.

- Вы называли много политических деятелей, но умолчали о нашем президенте. Ему, что, желание актерствовать не свойственно?

- Свойственно, еще как. Проявляется оно в игре в теннис, скажем...

- Я бы сказал не столько в игре в теннис, сколько в дирижировании оркестром... Более того, я думаю, что Ельцин гораздо более "актерский" человек, нежели, скажем, Горбачев. Обратите внимание, что Борис Николаевич не просто рассказывает, он всегда показывает, что вообще неслыханная вещь для политика. Когда

он, например, говорил про "чеченцев, понимаешь, в зеленых повязках на голове", он ведь их изображал. И это вызывает симпатию. Когда человек совсем уничтожает в себе художника и на лицо его уже ничто человеческое не проникает - он превращается в нелюдя.

- В свое время "Комсомолка" была чуть ли не единственной газетой, которая поддерживала ваш фильм про Мюнхгаузена. А как складывались ваши отношения с властью?

- Они не складывались... покойный писатель Виль Липатов объяснил мне, что есть люди в стае, а есть вне стаи. Так вот, я всегда был вне. И когда я приходил к НИМ, то я их раздражал. Даже если рассказывал анекдоты или говорил, что погода хорошая, ОНИ обижались. Но если я касался того, что их раздражало, ОНИ просто запрещали. Так был запрещен спектакль "Банкет" в Театре Сатиры. Вместе с Аркановым и Захаровым мы заделали то, что их резануло. Папанов играл страшного, социального, агрессивного именно русского идиота, который так формулировал свою биографию: "Как времена изменились: раньше: "Челюскин" затонул, а мне хоть бы что, а теперь лотерейный билет не могу проверить - руки дрожат". Я уверен, что это была одна из лучших ролей Анатолия Дмитриевича, но спектакль закрыли.

- Герои большинства ваших произведений живут как бы вне места действия. Нельзя же говорить, что события "Кина" разворачиваются в Англии... Они разворачиваются везде...

- Это верное наблюдение. Привязка к конкретным реалиям мне

крыл холодильник, налил водки и закусил соленым огурцом. И Зарецкий сказал мне: "Запомни: самое большое счастье в жизни - это иметь возможность вбежать с мороза, выпить рюмку водки и закусить соленым огурцом". Я раньше сам писал: в чем смысл жизни? В поисках свободы! Равенства! Высокого искусства! Все - ерунда, как оказалось. Мороз, водка и соленый огурец? Знаете, когда я это ощутил? Когда начали уходить друзья, я стал болеть...

И вдруг я понял: "Будет еще одна премьера... Хорошо... Я буду волноваться, мне будет казаться, что Горин-то голый... Но у меня было уже четырнадцать премьер. Сколько можно? Они бывают лучше или хуже, но все равно это из разряда глупостей... Друзья, общение - вот что главное".

- Почему же при таком успехе вы ездите на "Жигулях", а не на "Мерседесе" и живете во вполне скромной квартире?

- Не могу я купить "Мерседес" - у меня денег свободных таких нет, а квартира у меня нормальная, мне больше не надо. Понимаете, сегодня профессия драматурга не дает реальных денег, за несколько выступлений я могу получить больше, чем мне даст пьеса... Я купил себе самую дешевую "пятерку", но ведь сейчас все машины выпускают со всякими прибамбасами... На третий день у меня выбили стекло - пытались украсть магнитолау, сигнализация все время работает сама по себе, включается-выключается, я не могу ее победить... А вы говорите, "Мерседес". В "Мерседес" я просто не впишусь.

Лариса УСОВА,
Андрей МАКСИМОВ.